A l'Alliance Française de Moscou. Hommage de l'auteur.

Baron de Baye.

SON OEUVRE.

tiré à part des

ARCHIVES RUSSES

LIII-eme année.

Баронъ де Бай.

ДѢЛО ВИЛЬГЕЛЬМА.

Отдѣльный оттискъ изъ

РУССКАГО АРХИВА,

издаваемаго

Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

LIII-ій годъ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

Baron de Baye.

SON OEUVRE.

tiré à part des
ARCHIVES RUSSES
LIII-eme année.

Баронъ де Бай.

ДѢЛО ВИЛЬГЕЛЬМА.

отдѣльный оттискъ изъ
РУССКАГО АРХИВА,
издаваемаго
Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
LIII-ій годъ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1915.

Son oeuvre.

L'oeuvre de Guillaume II, de son armée, de ses intellectuels est une seule et même oeuvre. La voix omnipotente qui commande; la force obéissante qui agit comme instrument; les cervaux qui professent, encouragent, sanctionnent, sont trois éléments formant une trinité puissante qui est le moteur de cette oeuvre. Oeuvre gigantesque, mise en action par la guerre actuelle et préparée de longue date avec une ténacité, une ingéniosité, une volonté déconcertantes, dignes d'une meilleure cause. A côté de ces moteurs, agissaient la perfidie, le mensonge, l'espionage, l'hypocrisie, mis largement à contribution.

La conquête de l'Europe ou, si vous le préférez, la soumission absolue de l'Europe au joug allemand, que l'on nomme à Berlin „l'organisation", était depuis des années l'objét d'une savante préméditation.

Ces longs préludes auraient dû révéler à nous, comme aux autres puissances, les symptômes du danger qui menaçait. Ce que nous tolérions en France, avec une générosité et une largesse aussi imprudentes qu'imprévoyantes, existait également avec intensité un peu partout en Europe et même au delà de ses frontières. Ici l'Allemagne s'imposait avec autorité; ici elle se montrait gracieusement utile; là elle se rendait avantageuse, insinuante, rempante, entrante, pénétrante, absorbante. L'Allemagne ne considérait—elle pas les divers Etats comme des colonies ouvertes à son expansion? Elle rayonnait, si je puis m'exprimer ainsi. Elle prenait possession du commerce, de l'industrie, des finances, inondait le monde de ses produits. Elle avait des agents dans tous les milieux et chacun d'eux approprié et dressé à son rôle. Ici la presse était son doyée. Là elle était ouvertement soumise. Ici la bourse étai, son temple. Là les banques étaient à sa dévotion. Ici elle était propriétaire. Là elle était locataire. Dans les hôtels elle avait des voyageurs,

Дѣло Вильгельма.

Дѣло Вильгельма II, его арміи и интеллигенціи—одно и то же дѣло. Полновластный голосъ, отдающій приказанія; послушная сила, дѣйствующая, какъ заведенная машина; умы наставляющіе, ободряющіе и утверждающіе—вотъ составныя части, изъ которыхъ слагается могущественная троица, двигательная сила этого дѣянія. Исполинское дѣло, сдѣланное нынѣшней войной, дѣло, къ которому давно готовились, готовились съ упорствомъ, изобрѣтательностью и неуклонной волею, достойными болѣе высокой цѣли. Рука объ руку съ этими двигателями дѣйствовали предательство, ложь, лицемѣріе, шпіонство, и всѣмъ этимъ пользовались очень широко.

Завоеваніе Европы, или, если хотите, полнѣйшее Ея порабощеніе нѣмецкому игу, порабощеніе, которое въ Берлинѣ называли „организаціей", въ теченіе долгихъ лѣтъ было тщательно обдумано.

Какъ намъ, такъ и другимъ государствамъ, эти долгіе сборы должны были открыть глаза на зловѣщіе признаки опасности. То, что съ такимъ великодушіемъ и съ терпимостью, съ легкомысліемъ и недальновидностью допускалось во Франціи, мало-по-малу также напряженно развивалось по всей Европѣ, и даже за ея предѣлами. Здѣсь Германія взяла въ свои руки власть; тамъ она была такъ мило полезна; тамъ она приносила выгоду, тамъ была доносящей, ползающей, вкрадчивой, всепроникающей, всепоглощающей. Развѣ Германія не считала разныя государства своими колоніями, открытыми для ея сбыта? Она излучалась, если можно такъ выразиться. Она овладѣла торговлей, промышленностью, денежнымъ рынкомъ, наводняла своими произведеніями весь міръ. У нея были доброхоты во всевозможныхъ слояхъ общества, и каждый изъ нихъ приспособлялся и входилъ въ свою роль. Тутъ заправилой была печать. Тамъ банки преданно служили дѣлу. Тутъ она была собственникомъ. Тамъ была наемникомъ. Въ

des directeurs, des domestiques, chacun d'eux remplissait ses fonctions d'espion.

La mode de la Société parisienne de se rassembler pour un thé qui ressemblait à un dîner, ou pour un dîner qui ressemblait à un souper, et cela dans la promiscuité de ces centres, faisait qu'au lieu de causer à la maison on causait dans un endroit public. Dans ces belles assemblées, on parlait beaucoup et de tout. On était porté à frequenter là où il y avait le plus de monde. Naturellement les tables étaient si voisines et alors..... ceci est un détail entre mille.

Dans cette ville qu'elle désignait comme la Babylone moderne; l'Allemagne avait ses créatures dans le monde de la galanterie. Dans la haute société, elle spéculait sur l'engouement pour la musique exclusivement allemande, elle encourageait les cénacles où l'on la célébrait; elle forçait les portes de l'Opéra. Elle tentait aussi à répandre les oeuvres de ses écoles de peinture et de sculpture qui, chaque année plus nombreuses, pénétraient dans nos expositions. Large était l'hospitalité de nos artistes. Une statue refusée faisait si grand tapage que le scandale valut à son auteur une réclame de curiosité qui fit courir tout Paris. Et puis de l'atelier au salon, il n'y a qu'un pas.

On peut bien dire que l'art décadent, que l'on a eu le tort d'appeler art nouveau, est une importation allemande et je connais des pays où il a fait plus de ravages qu'en France. Moscou, pour ne citer qu'une ville, a subi les atteintes de cette dépravation du goût.

La Russie, autant que la France, a souffert de l'action souterraine et sournoise de l'Allemagne qui, par mille artifices, cherchait à se rendre nécessaire et à s'imposer un peu partout.

Combien de sujets allemands sont venus en Russie s'enrichir. En s'y installant, en y pullulant, ils introduisaient un peu de leur influence. Combien de sujets russes allaient en Allemagne faire des cures de toutes sortes, y achetaient des propriétés et y dépensaient leurs capitaux et leurs revenus. Sans doute, en elle même, la chose n'est pas blâmable, mais en agissant de la sorte, les russes ne fournissaient-ils pas à l'Allemagne et cela inconsciemment, des moyens d'étude et de pénétration? Je n'entends pas critiquer les contacts entre voisins, mais l'utilisation de ces contacts pour instruire l'un deux contre l'autre avait des dangers. Ces dangers consistaient à mettre l'Allemagne en mesure de connaître

гостинницахъ у нея были путешественники, управляющіе, слуги, и каждый изъ нихъ выполнялъ должность шпіона.

Парижскій обычай, чтобы Общество собиралось на чай, похожій на обѣдъ, и на обѣдъ, похожій на ужинъ, и дѣлано это въ самыхъ центрахъ нѣмецкаго засилья, сдѣлалъ то, что вмѣсто того, чтобы вести бесѣду у себя дома, люди дѣлали это въ общественныхъ мѣстахъ. На этихъ многолюдныхъ собраніяхъ говорили много, и обо всемъ. Мы привыкли бывать тамъ, гдѣ было самое многолюдное общество. Конечно, столики стояли очень тѣсно, и тогда..... это только одна изъ тысячи подробностей.

Въ городѣ, который Германія собиралась сдѣлать современнымъ Вавилономъ, у нея были свои творцы въ мірѣ изящества. Въ высшемъ обществѣ она играла на пристрастіи къ музыкѣ, главнымъ образомъ нѣмецкой, поощряла вечеринки, гдѣ торжествовала музыка; она открывала двери Оперѣ. Она также пыталась распространять произведенія своихъ школъ живописи и ваянія, и дѣлаясь все многочисленнѣе, они занимали все больше мѣста на нашихъ выставкахъ. Велико было гостепріимство нашихъ художниковъ. Непризнанная статуя дѣлала столько шума, что скандалъ служилъ заманкой для его создателя и любопытство охватывало весь Парижъ. А тамъ, отъ мастерской до гостиной—всего одинъ шагъ.

Съ полной увѣренностью можно сказать, что декадентское искусство, ошибочно названное новымъ искусствомъ, было вывезено изъ Германіи, и я знаю страны, гдѣ оно произвело гораздо бóльшее опустошеніе, чѣмъ во Франціи. Упомяну только объ одномъ городѣ—это Москва, она испытала на себѣ эту порчу вкуса.

Россія, также какъ и Франція, пострадала отъ скрытой подпольной дѣятельности Германіи, которая, съ помощью тысячи ухищреній, старалась сдѣлаться необходимой и мало-по-малу проникнуть повсюду.

Сколько нѣмецкихъ подданныхъ наѣхало въ Россію, чтобы разбогатѣть. Устроившись здѣсь, крѣпко пустивши здѣсь крѣпкіе корни, они понемногу начинали проявлять свое вліяніе. Какое множество русскихъ подданныхъ ѣздило въ Германію во всевозможныя лѣчебныя мѣста, пріобрѣтало тамъ собственность и тратило свои капиталы и доходы. Безъ сомнѣнія, сами по себѣ это поступки непредосудительные, но развѣ, поступая такимъ образомъ, Русскіе безсознательно не снабжали Германію средствами для изученія Россіи и для распространенія своего вліянія? Я осуждаю не договоры между сосѣдями, но нахожу, что пользоваться этими договорами для того, чтобы возстановить од-

l'état moral, les tendances, les qualités, les côtés faibles, en un mot le caractère du voisin qu'il étudie. La méfiance n'est pas une vertu, mais elle est parfois une protection utile.

Du reste les traitements barbares, voir même les insultes infligés aux hôtes russes, y compris les plus augustes, surpris en Allemagne par la déclaration de la guerre, sont un éloquent témoignage des sentiments qu'elle professait vis à vis du voisins dont la présence cessait d'être productive.

Nous avons donc assisté, sans y porter l'attention qu'elle méritait, à l'élaboration de l'oeuvre de Guillaume II. Ses artisans étaient légion; ses moyens innombrables.

Nos imprévisions ont facilité la longue et savante préparation des Allemands. „Songeons, comme l'a si bien dit le sénateur Jénouvrier, que depuis quarante quatre ans toute la volonté allemande, toute la science allemande, tout le commerce, toute l'industrie allemande, toute la ruse et l'espionage allemands étaient tendus vers la guerre actuelle. Nous n'y pensions nous autres; eux ne pensaient qu'à cela. Nous leur donnions généreusement une place chez nous; ils se naturalisaient, ils semblaient devenir des Français; c'était pour mieux nous trahir"[1]).

Nous ajouterons que chose pareille existait en Russie, en Belgique et ailleurs. Sous cette forme, c'est à dire par la naturalisation, nos ennemis avaient toutes sortes de facilités pour servir leur vraie patrie au détriment de leur patrie d'emprunt. La révision des naturalisations au profit des Allemands est l'objet des préoccupations de notre parlement. Souhaitons que pareille mesure soit prise par nos chers alliés.

Les procédés variés et ingénieux de nos ennemis ne doivent pas passer sous silence et méntent d'être analysés, car ils forment un éloquent faisceau de preuves établissant leur volonté bien arrêtée de faire cette guerre. Pendant que tous ces moyens préparatoires étaient mis en oeuvre; pour les masquer aux yeux de la France et de la Russie, l'empereur d'Allemagne, avec une sinistre duplicité, parlait de paix. Il convient de citer ici quelques passages de ses retentissantes allocutions.

Il se lie formellement le 28 Juin 1888 dans son discours du trône au Reichstag.

---

[1]) Le Gaulois du 8 février 1915.

ного противъ другого, очень опасно. Эта опасность заключается въ томъ, что Германіи дается возможность изучить настроеніе умовъ, склонности, способности, слабости, словомъ, характеръ наблюдаемаго ею сосѣда. Недовѣрчивость не есть добродѣтель, но подчасъ она можетъ оказать важныя услуги.

Въ концѣ концовъ варварское обращеніе, а именно—оскорбленія, нанесенныя русскимъ гостямъ, включая сюда и самыхъ Высокихъ, гостямъ, которыхъ объявленіе войны застигло въ Германіи, служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ, которыя Германія питала по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, присутствіе которыхъ перестало быть ей выгоднымъ.

Словомъ, мы, не удѣляя этому должнаго вниманія, были свидѣтелями той внутренней работы, которая создавала дѣло Вильгельма II. У него былъ легіонъ сотрудниковъ; средства его были несмѣтны.

Наша недальновидность облегчила долгія и обдуманныя приготовленія нѣмцевъ. „Подумаемъ о томъ,“ какъ прекрасно выразился сенаторъ Женуврїе, „что въ теченіи сорока лѣтъ вся нѣмецкая наука, торговля, вся нѣмецкая промышленность, вся нѣмецкая хитрость и шпіонство стремились къ нынѣшней войнѣ. Мы, всѣ остальные, не думали о ней; а они думали только о ней. Мы великодушно пріютили ихъ у себя; они у насъ освоились, на видъ они сдѣлались французами; и это было сдѣлано для того, чтобы предать насъ.“ [1])

Прибавимъ, что то же самое происходило въ Россіи, Бельгіи и въ другихъ государствахъ. Такимъ образомъ, т. е. пріобрѣтая права гражданства, нашимъ врагамъ было очень легко служить своей настоящей родинѣ въ ущербъ родинѣ искусственной.

Теперь нашъ парламентъ занятъ пересмотромъ гражданскихъ правъ Нѣмцевъ. Выскажемъ пожеланіе, чтобы дорогіе союзники приняли такія же мѣры.

Нельзя обойти молчаніемъ различныя искусныя приготовленія нашихъ враговъ, они заслуживаютъ изученія, потому что являются краснорѣчивымъ собраніемъ доказательствъ, подтверждающихъ ихъ твердое намѣреніе затѣять эту войну. Пока были пущены въ ходъ всѣ эти подготовительныя средства, для того, чтобы отвести глаза Франціи и Россіи, германскій императоръ съ зловѣщимъ лукавствомъ говорилъ о мирѣ. Здѣсь не мѣшаетъ упомянуть о нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ его широковѣщательныхъ рѣчей.

Онъ формально обязываетъ себя къ этому 28 Іюня 1888 года въ тронной рѣчи къ рейхстагу.

---

1) Le Gaulois, 8-го Февраля 1915 года.

„Je suis résolu à maintenir la paix avec tous les peuples antant que cela dépendra de moi. Mon amour pour l'armée, la place que j'y tiens, ne me feront jamais succomber à la tentation de priver le pays des bienfaits de la paix, si la guerre ne nous est pas nécessairement imposée par une attaque contre l'Empire ou contre nos alliés. Notre armée doit nous garantir la paix, et, s'il le faut, nous permettre de la reconquérir par les armes avec honneur. Nous le pourrons avec l'aide de Dieu, grâce à la force militaire que nous assure la dernière loi de défense nationale que vous avez votée à l'unanimité. Utiliser cette force pour une guerre offensive est loin de ma peusée. L'Empire allemand n'a besoin ni de gloire militaire nouvelle, ni de conquêtes, maintenant qu'il s'est conquis le droit de vivre comme une nation unie et indépendante".

Le 18 Juin 1895, pour l'inauguration du canal de Kiel Guillaume II s'écriait:

„Tous les peuples demandent et désirent la paix. Ce n'est qu'en temps de paix que le commerce du monde peut se développer, ce n'est que par la paix qu'il peut prospérer; nous voulons maintenir la paix, et nous la maintiendrons. Puisse, grâce à cette paix, le commérce de Hambourg être florissant et prospère".

Le discours prononcé le 22 mars 1905 à Brême est, si possible, plus affirmatif que les précédents.

„Je me suis juré, lorsque je suis monté sur le trône, après le puissant règne de mon grand-père, qu'autant que je le pourrais, je laisserais se reposer les baïonnettes et les canons, mais que les baïonnettes et les canons devraient être tenus affilés et en bon état, afin que la jalousie et l'envie du dehors ne puissent nous empêcher de cultiver notre jardin et d'arranger notre maison à l'intérieur. Je me suis promis, d'après mon expérience et les leçons de l'Histoire, de ne jamais songer à un vain empire du monde. Car que sont devenus ces soi-disant grands empires du monde? Alexandre le Grand, Napoléon I-er, tous les grands capitaines se sont baignés dans le sang et ont laissé des peuples asservis, qui aussitôt se sont soulevés et ont amené la ruine de l'empire.

„L'empire que j'ai rêvé, le voici: l'Empire allemand récemment né, doit avoir la confiance de tous, être considéré partout comme un tranquille, honête, paisible voisin: et si l'on parle peut être un jour, dans l'avenir, d'un empire mondial de l'Allemagne, ou d'une souveraineté

„Я рѣшилъ поддерживать миръ со всѣми народами постольку, поскольку это отъ меня зависитъ. Моя любовь къ арміи, то мѣсто, которое я въ ней занимаю, никогда не заставятъ меня поддаться искушенію и лишить страну всѣхъ благъ мира, если только война не явится для насъ необходимостью вслѣдствіе нападенія на Имперію или на нашихъ союзниковъ. Наша армія должна обезпечить намъ миръ, или, если понадобится, вновь съ честью завоевать его оружіемъ. Мы сможемъ сдѣлать это съ Божьей помощью, благодаря той военной силѣ, которая намъ обезпечена послѣднимъ закономъ о національной оборонѣ, закономъ, который вы провели единогласно. Я далекъ отъ мысли использовать эту силу для наступательной войны. Теперь, когда Германская Имперія отвоевала себѣ права объединенной и независимой націи, ей больше не нужны ни побѣды, ни новая военная слава".

18-го Іюня 1895 года, на открытіи Кильскаго канала, Вильгельмъ II восклицалъ:

„Всѣ народы просятъ и желаютъ мира. Только въ мирное время можетъ развиваться міровая торговля, она можетъ процвѣтать только благодаря миру. Мы желаемъ сохранить миръ, и мы его сохранимъ. Дай Богъ, чтобы благодаря этому миру счастливо процвѣтала гамбургская торговля."

Рѣчь, произнесенная въ Бременѣ 22 Марта 1905 года, если это только возможно, еще болѣе подтверждаетъ эту мысль.

„Вступивъ на престолъ послѣ блестящаго царствованія моего дѣда, я поклялся въ томъ, что, насколько это будетъ отъ меня зависѣть, оставлю въ покоѣ штыки и пушки, но штыки и пушки должны быть наготовѣ и въ хорошемъ состояніи, для того, чтобы извнѣ зависть не помѣшала намъ насаждать нашъ садъ и устраивать нашъ домъ. Наученный опытомъ и уроками исторіи, я далъ себѣ слово никогда не мечтать о суетной міровой державѣ. Потому что, что сталось съ этими, такъ-называемыми великими міровыми державами? Александръ Великій, Наполеонъ I, всѣ великіе полководцы купались въ морѣ крови и оставили порабощенные народы, которые вскорѣ возстали и привели ихъ государства къ паденію.

„Вотъ держава, о которой я мечталъ: недавно возникшая Германская Имперія должна внушать довѣріе всѣмъ, всѣ должны считать ее спокойнымъ, честнымъ, мирнымъ сосѣдомъ: и если когда-нибудь, въ будущемъ, зайдетъ рѣчь о міровой Германской Имперіи или о всемірномъ господствѣ Гогенцоллерновъ, то эта Имперія должна быть осно-

mondiale des Hohenzollern, elle ne doit pas être fondée sur des conquêtes de l'épée, mais sur la confiance réciproque des nations unies dans un même but".

Ces paroles trompeuses du souverain, la prospérité industrielle et commerciale de son empire, l'expansion de ses sujets un peu dans tous les pays, on pourrait presque dire pays colonisés par eux, tout cela semblait écarter l'idée de guerre. Bien des esprits ont été induits en erreur. En effet les discours pacifiques du Kaïser sont en contradiction avec toutes les mesures prises en vue d'une guerre voulue et préparée.

„En dépit de sa folie d'armement qui devait fatalement le conduire à la catastrophe finale, le Kaiser allemand semblait avoir compris que la paix était le meilleur auxiliaire de sa politique économique. L'Allemagne lui devait en grande partie le prodigieux essort de son commerce. Lorsqu'il employait ce mot orgueilleux de mondial qu'il a inventé, il ne disait rien d'excessif. L'Allemagne jouissait vraiment d'une sorte d'hégémonie qui s'étendait au monde entier. Elle ne dominait pas le monde par sa culture, ni par le rayonnement de son génie, comme le croyaient ses savants: mais le monde était vraiment tributaire de son activité".

„Comment ce chef d'empire a-t-il risqué sa fortune et celle de son peuple dans une aventure aussi hasardeuse qu'une guerre générale? Quo modo cecidit potens? demande l'Ecriture. Le puissant est tombé parce qu'il a perdu l'équilibre. C'est l'accident ordinaire et fatal qui attend et châtie tous les mégalomanes. La qualité la plus nécessaire aux conducteurs de peuples est la science des limites. Ils doivent savoir mesurer avec certitude le plan de leur entreprises; ils doivent savoir et prévoir que toute ambition qui le dépasse les voue à la culbite et à l'écrasement" [1]).

Nous venons, en citant ses propres paroles, de montrer que Guillaume II a inauguré son oeuvre par le mensonge. L'action longue et persévérante de son peuple n'était que l'émanation de sa volonté. Ce labeur insatiable avait pour but l'assouvissement de l'orgueil sans borne de l'empereur voulant incarner en sa personne l'Allemagne mondiale. Ses critiques les plus mordants et les plus cruels ont qualifié son trait caractéristique de néronisme. Ce terme est bien approprié pour désigner son oeuvre.

---

[1]) Jules Delafosse, député du Calvados, Impériale démence, Le Gaulois du 2 février 1915.

вана не на завоеваніяхъ, а на взаимномъ довѣріи народовъ, объединившихся для одной общей цѣли."

Эти лживыя слова государя, расцвѣтъ торговли и промышленности въ его имперіи, внѣдреніе его подданныхъ почти во всѣхъ странахъ, можно сказать, колонизованныхъ ими, все это, повидимому, исключало всякую мысль о войнѣ. Немало умовъ было введено въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ, миролюбивыя рѣчи кайзера идутъ въ разрѣзъ со всѣми мѣрами, которыя имѣлись въ виду для желанной и подготовляемой войны:

„Вопреки его страсти къ вооруженію, которая роковымъ образомъ должна была привести къ конечной рязвязкѣ, германскій кайзеръ какъ-будто понялъ, что миръ былъ лучшимъ приложеніемъ къ его экономической политикѣ. Главнымъ образомъ ему Германія обязана чудеснымъ расцвѣтомъ своей торговли. Употребляя придуманное имъ гордое слово мiровая торговля, онъ не впадалъ въ крайность. Германія дѣйствительно пользовалась своего рода владычествомъ, распространявшимся на весь свѣтъ. Ни ея культура, ни свѣтъ ея генія не господствовали надъ міромъ, какъ это думали германскіе ученые: но міръ дѣйствительно платилъ дань ея дѣятельности.

„Какимъ образомъ глава имперіи могъ рисковать своей судьбой и судьбой своего народа, пустившись въ такую зависящую отъ случайностей авантюру, какъ міровая война? Quo modo cecidit potens? спрашиваетъ Писаніе. Владыка палъ, потому что онъ потерялъ равновѣсіе. Это обычная роковая случайность, ожидающая и карающая всѣхъ страдающихъ маніей величія. Самое необходимое качество для всѣхъ вождей народовъ есть искусство знать мѣру. Они должны умѣть точно взвѣшивать планъ своихъ предпріятій; они должны знать и предвидѣть, что всякое превышающее ихъ силы честолюбіе обрекаетъ ихъ на паденіе и гибель".[1])

Мы только-что показали, приведя собственныя слова Вильгельма II, что онъ построилъ свое дѣло на лжи. Настойчивый и упорный трудъ его народа былъ лишь выразителемъ его воли. Эта неутомимая работа имѣла цѣлью удовлетворить безграничное честолюбіе императора, который въ своемъ лицѣ хотѣлъ воплотить міровую Германію. Самые строгіе и безпощадные его критики отмѣтили свойственную ему черту неронизма. Это выраженіе очень подходитъ для опредѣленія его дѣянія.

---

1) Jules Delafosse, député de Calvados. Impériale démence. Le Caulois du 2 février 1915.

Tout ce qui précède esquisse à grands traits la préméditation par la préparation de son oeuvre.

Et lorsqu'il se juge prêt, que l'heure est propice, que ceux qu'il vise sont à ses yeux en mauvaise posture, c'est à dire murs pour la défaite et l'asservissement, le Kaiser ébranle l'Europe. En douze heures il a contredit ce qu'il avait voulu paraître durant 26 ans de régne. Sa puissance militaire formidable, il la croit supérieure à tout, invincible. Ses conquêtes économiques, industrielles, l'expansion de tant de forces matérielles, l'intrusion allemande chez ses voisins ne lui suffisent pas; il lui faut pour lui et par lui un triomphe par les armes.

Guillaume I a accompli une oeuvre: „La Prusse unifiant l'Allemagne asservie mais victorieuse". Guillaume II veut, lui aussi, accomplir son oeuvre: „la suprématie mondiale de l'Allemagne". Suprématie illimitée comme son ambition, géante comme son orgueil. Tyran de l'Allemagne, il rêve la tyrannie de l'Univers. Pour y parvenir, il a mis toutes ses énergies en mouvement. Selon lui la paix était à la fois un péril pour l'Allemagne et le salut de l'Europe. Il veut détruire ce péril et en même temps entraîner la perte de l'Europe.

De ses deux alliés un seul répond à son injonction: l'Autriche. Il saura s'en servir. Berlin est l'empire suzerain. Vienne est l'empire vassal. Si l'Autriche, après avoir pendant plusieurs siècles dominé l'Allemagne, est tombée de chute en chute, au rang de vassale de la Prusse, ce n'est pas faute d'avoir été avertie du péril qui la menaçait.

Dès 1609, le vice-chancelier d'Empire, Strahlendorf, adressa à l'empereur Rodolphe II un mémoire dans lequel il lui conseillait de briser la puissance brandebourgeoise tandis qu'elle n'était encore qu'en voie de formation. Il voyait les Hohenzollern à l'oeuvre, et prévoyait qu'après avoir réuni au Brandebourg le duché de Prusse, Clèves et Juliers, leur ambition croîtrait avec leur puissance, et, comme ils s'étaient convertis au protestantisme, qu'ils ne tarderaient pas à rallier autour d'eux tous les princes luthériens du Nord. Mais cet avertissement ne fut pas entendu et les destins s'accomplirent.

Si l'alliance austro-allemande était l'oeuvre de Bismark, Guillaume II a bien prouvé que l'inféodation actuelle de l'Autriche à l'Allemagne était son oeuvre. La mystérieuse tragédie de Meyerling délivra l'Allemagne des Hohenzollern d'une menace. Mais le drame de Serajévo

Все предыдущее крупными штрихами рисуетъ обдуманность и подготовленность его дѣла.

И когда онъ считаетъ себя готовымъ, когда его часъ пробилъ, когда тѣ, кого онъ намѣтилъ, находятся, по его мнѣнію, въ затруднительномъ положеніи, т. е. когда на нихъ удобно напасть и покорить ихъ, тогда кайзеръ потрясаетъ всю Европу. Въ теченіи двѣнадцати часовъ онъ отмѣняетъ все то, чѣмъ хотѣлъ казаться въ продолженіи двадцати-шестилѣтняго царствованія. Его военная сила—мощная сила, онъ считаетъ ее выше всего, считаетъ непобѣдимой. Ему мало экономическихъ побѣдъ и завоеваній промышленности, мало внѣдренія стольких промышленныхъ сихъ, нѣмецкаго вторженія къ сосѣдямъ; ему нужно для него и черезъ него торжество его оружія.

Вильгельмъ I сдѣлалъ одно дѣло: „Пруссія, объединившая покоренную, но побѣдоносную Германію.“ Вильгельмъ II тоже хочетъ сдѣлать свое дѣло: „Всемірное главенство Германіи.“ Главенство, такъ же безграничное, какъ и его честолюбіе, такое же исполинское, какъ и его гордыня. Германскій деспотъ мечтаетъ сдѣлаться деспотомъ міровымъ. Для того, чтобы достичь этого, онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои силы. По его мнѣнію миръ былъ гибелью для Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ спасеніемъ для Европы. Онъ хочетъ уничтожить эту гибель и въ одно и то же время погубить Европу.

Изъ двухъ его союзниковъ только одинъ отзывается на его призывъ: это Австрія. Онъ сумѣетъ ее использовать. Берлинъ—государство господствующее, Вѣна—государство подручное. Если Австрія, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ владычества надъ Германіей, послѣ цѣлаго ряда пораженій, опустилась до степени прусскаго подручника, она тѣмъ не менѣе была предупреждена объ угрожающей ей гибели.

Начиная съ 1609 года Штралендорфъ, вице-канцлеръ Имперіи, обратился къ императору Рудольфу II съ запиской, въ которой совѣтовалъ ему сокрушить бранденбургскую власть, пока она находится только на пути къ развитію. Онъ видѣлъ, что дѣлали Гогенцоллерны, и предвидѣлъ, что, разрушивъ для Бранденбурга Прусское Герцогство, (Clèves et Juliers), ихъ честолюбіе будетъ рости вмѣстѣ съ ихъ могуществомъ, а такъ какъ они перешли въ протестантскую вѣру, то и не замедлятъ объединить вокругъ себя всѣхъ сѣверныхъ принцевъ лютеранъ. Но его предсказанія не послушались, и роковое свершилось.

Если австро-германскій союзъ былъ дѣломъ Бисмарка, то Вильгельмъ II доказалъ, что нынѣшнее подчиненіе Австріи Германіи было его дѣломъ.

Таинственная Мейерлингская трагедія избавила Германію Гогенцоллерновъ отъ одной угрозы. Но Сараевская драма лишила Вильгельма II

priva Guillaume II d'un appui solide. Le vieillard immortel ne mourait peut être pas assez vîte; sa survivance à tant de morts semblait contrarier le bouillant Guillaume et il a traité le vieillard allié comme trépassé d'avance. Il s'en est servi comme d'un jouet et s'est emparé du commandement de son armée. La diplomatie autrichienne fût trompée, mise sous séquestre et comme il a été écrit dans le Figaro[1]): „L'Autriche des Habsbourg suivit l'Allemagne des Hohenzollern dans son crime, le plus grand crime qui ait été commis contre l'Humanité".

Guillaume II faisant de son allié, son esclave semblait, après s'être érigé en exécuteur testamentaire, réciter à ses côtés les prières des agonisants. L'octogénaire ne pourra pas mourir en paix, Guillaume II ne l'a pas voulu. C'est encore son oeuvre. Le projet de liquider lucrativement l'allié aprés s'en être servi sera probablement une phase de son oeuvre. Le Docteur allemand Martin, conseiller d'Empire, ne stipulait-il pas e x c a t h e d r a: „L'avènir de l'Allemagne exige l'absorption de l'Autriche-Hongrie". Dans cette guerre la première victime du Kaiser a été l'Autriche.

Veut-il aussi liquider la Turquie? Il l'a dominée depuis des années; aujourd'hui il l'a voulue humblement soumise. Au début de la guerre, sur les rives de la Néva, un ambassadeur de la Porte, rencontrant son collégue de Belgique lui exprima ses condoléances au sujet de la prise de Bruxelles par les armées allemandes. Ce dernier de répondre: mais c'est à moi de vous exprimer des condoléances. Surpris le turc le demanda: pourquoi? C'est bien simple, répondit le belge, c'est parce que vous êtes vaincus par l'Allemagne.

La Turquie, Guillaume II s'en était déjà emparé dans ses voyages retentissants à Constantinople et à Jérusalem. Il préparait par sa présence impressionnante et théâtrale à plier la Porte à son joug. „L'avenir de l'Allemagne, écrivait le Docteur Martin précité, exige l'absorbsion des Etats balkaniques et de la Turquie". Donc ordre à la Turquie de marcher contre la Russie est donné par Guillaume II; c'est encore son oeuvre.

Il passe du culte d'Odin, le bon vieux Dieu de la Germanie, à celui de Mahomet. Des forêts mystérieuses où il a encensé l'idole païenne, il passe allégrement à la mosquée et après avoir encensé l'idole, il encense le croissant. Il voudrait que sur son ordre l'Islam se soulevat pour la guerre sainte. Il donne sans compter à la Turquie des généraux

---

[1]) 25 Janvier 1915.

серьезной поддержки. Безсмертный старецъ, можетъ быть, слишкомъ долго не умираетъ; онъ пережилъ столько смертей, и это мѣшало неистовому Вильгельму, и онъ обращался со старикомъ союзникомъ, какъ съ заранѣе отпѣтымъ. Онъ обращался съ нимъ, какъ съ игрушкой, и взялъ въ свои руки командованіе его войсками. Австрійская дипломатія была обманута и отдана подъ надзоръ, какъ было написано въ Фигаро:[1]) „Австрія Габсбурговъ вслѣдъ за Германіей Гогенцоллерновъ пошла по преступному пути, по пути величайшаго преступленія противъ Человѣчества.“

Вильгельмъ II, превративъ своего союзника въ раба, поставивъ себя душеприказчикомъ, дѣлалъ видъ, что читаетъ по немъ отходную. Восьмидесятилѣтній старикъ теперь не можетъ умереть спокойно, Вильгельмъ II этого не пожелалъ—и это тоже его дѣло. Планъ выгодно устранить союзника, использовавъ все, что было нужно, будетъ вѣроятно, одной изъ слѣдующихъ ступеней его дѣла. Развѣ тайный совѣтникъ, нѣмецкій врачъ Мартинъ, не провозгласилъ ex cathedra: „Будущее Германіи требуетъ поглощенія Австро-Венгріи.“ Въ этой войнѣ Австрія была первой жертвой кайзера.

Хочетъ ли онъ раздѣлаться также и съ Турціей? Онъ властвовалъ тамъ въ теченіе многихъ лѣтъ; теперь онъ захотѣлъ, чтобы она покорилась ему совсѣмъ. Въ началѣ войны, на берегахъ Невы, посланникъ Блистательной Порты, встрѣтивъ своего бельгійскаго сотоварища, выразилъ ему свое соболѣзнованіе по поводу занятія Брюсселя германскими войсками. Послѣдній отвѣчалъ: это я долженъ выражать вамъ сочувствіе. Удивленный Турокъ спросилъ: почему? Очень просто—отвѣчалъ бельгіецъ,—потому что Германія васъ побѣдила.

Вильгельмъ II ужъ завладѣлъ Турціей во время своихъ трескучихъ поѣздокъ въ Константинополь и въ Іерусалимъ. Своимъ внушительнымъ и театральнымъ поведеніемъ онъ подготовлялъ Порту къ тому, чтобы наложить на нее свое иго. „Будущее Германіи, писалъ вышеупомянутый докторъ Мартинъ, требуетъ поглощенія Балканскихъ государствъ и Турціи.“ Итакъ, приказъ выступить противъ Россіи отданъ Турціи Вильгельмомъ II; еще одно его дѣло.

Отъ культа Одина, отъ добраго стараго германскаго бога онъ переходитъ къ Магомету. Отъ таинственныхъ рощъ, гдѣ онъ курилъ ѳиміамъ передъ языческимъ идоломъ, онъ весело направляется въ мечеть и, почтя идола, чтитъ полумѣсяцъ. Онъ хочетъ, чтобы по его приказу Исламъ возсталъ для Священной войны. Онъ безъ счету

---

[1]) 25 Генваря 1915 года.

non pas soldés mais en solde, des canons, des munitions, puis par dessus le marché des promesses et avant tout des ordres. Il fait brûler une lampe sur le tombeau de Saladin. Il commande aux Turcs de combattre à la fois la Russie et l'Angleterre. Cette folle entreprise les fait par elles deux fois vaincus. Reconnaissez là une des conceptions incensées de Guillaume II qui caractérisent son oeuvre.

Dès lors Autriche et Turquie jouent plutôt le rôle d'esclaves sacrifiés que d'alliées. Leur obédiance est passive. Les généraux allemands commandent les armées autrichiennes et les armées turques et les ordres de Berlin les conduisent à la boucherie.

Revenons au début de la guerre. Le Kaiser veut la guerre, il est prêt. Son oeuvre préparatoire est achevée. L'Autriche est chargée de donner le signal. Elle sert de prétexte. Les livres de toutes les couleurs vous ont appris en détail ce qui se passa dans les chancelleries diplomatiques. Vous y avez constaté le dissimulation et les mensonges de celui qui veut la guerre; vous y avez admiré la loyauté de ceux qui veulent maintenir la paix.

Voilà que Guillaume II attend les déclarations de guerre des alliés, il entend qu'on la lui déclare et veut être attaqué. Mais, lui impatient se trouve obligé à rompre l'équilibre en lançant un défi à l'Europe.

La Russie d'abord. Il juge affaiblie par la guerre japonaise. Il croit que la vodka lui viendra en aide pour démoraliser les soldats. Il a soudoyé de son or des grêves pour créer un mouvement de révolte. Il s'est trompé. La Russie n'est pas ce qu'il croyait. Aussitôt la déclaration de la guerre, la vodka a été proscrite comme un poison. Ainsi a été supprimée l'ivresse. Quant aux grêves, elles ont cessé comme par enchantement. La guerre patriotique est populaire. Le salut de la Patrie réunit toutes les énergies. En Russie chaque coeur bat à l'unisson de celui de Son Tzar.

La France ensuite. Guillaume II la juge désunie, en proie à des luttes intestines; il la pense antimilitariste, esclave amoureuse du bienêtre et incapable d'un effort soutenu. Il connait le règne en France de cette boisson verte qui détruit les forces physiques et désorganise les facultés cérébrales. Il s'est trompé. Il a été la cause, par la prohibition de l'absinthe, d'une véritable régénération. La France n'était pas ce qu'il croyait. En lui déclarant la guerre, il a supprimé les partis pour l'éclo-

шлетъ Турціи своихъ генераловъ, не оплачиваемыхъ, но съ окладомъ, шлетъ пушки, вооруженіе, въ придачу даетъ обѣщанія, но прежде всего шлетъ приказы. Ежели нужно, зажигаетъ лампаду на могилѣ Саладина. Онъ приказалъ Туркамъ воевать одновременно съ Россіей и съ Англіей. Въ этомъ безумномъ предпріятіи они будутъ дважды побѣждены. Сознайтесь, что это одна изъ тѣхъ безсмысленныхъ выдумокъ, которыми отличается дѣло Вильгельма II.

Съ этихъ поръ Австрія и Турція играютъ роль скорѣе принесенныхъ въ жертву рабовъ, чѣмъ союзниковъ. Они повинуются слѣпо. Германскіе генералы руководятъ австрійскими и турецкими войсками, а приказы изъ Берлина шлютъ ихъ на бойню.

Вернемся къ началу войны. Кайзеръ желаетъ войны, онъ готовъ къ ней. Подготовительный трудъ закончень. Австріи поручено дать сигналъ. Она служитъ предлогомъ. Изъ разноцвѣтныхъ книгъ вы подробно узнали, что происходило въ дипломатическихъ канцеляріяхъ. Вы установили притворство и ложь того, кто хотѣлъ войны; вы наблюдали честность тѣхъ, кто хотѣлъ сохранить миръ.

Итакъ Вильгельмъ II ждетъ объявленія войны союзниками, онъ хочетъ, чтобы ему объявили войну, хочетъ, чтобы на него напали. Но отъ нетерпѣнія онъ вынужденъ нарушить равновѣсіе, бросивъ вызовъ Европѣ.

Сначала Россіи. Онъ считаетъ, что она ослаблена японской войной. Онъ думаетъ, что водка поможетъ деморализаціи солдатъ. Своимъ золотомъ онъ подкупаетъ забастовщиковъ, чтобы вызвать мятежъ. Онъ ошибся. Россія оказалась не такою, какой онъ ее считалъ. Какъ только война была объявлена, водку запретили, какъ ядъ. Такимъ образомъ пьянство было устранено. Что касается забастовокъ, то онѣ прекратились словно по волшебству. Патріотическая война есть война народная. Защита Родины объединила всѣ силы. Въ Россіи всѣ сердца бьются заодно съ сердцемъ Царевымъ.

Затѣмъ Франція. Ее Вильгельмъ II считалъ разрозненной, раздираемой междоусобными распрями; онъ считаетъ ее антимилитаристкой, рабой, влюбленной въ наслажденіе и неспособной къ напряженнымъ усиліямъ. Онъ знаетъ, что во Франціи царствуетъ зеленый напитокъ, истощающій тѣлесныя силы и разрушающій умственныя способности. Онъ ошибся. Благодаря запрещенію абсента, Вильгельмъ самъ сталъ причиной истиннаго возрожденія. Франція была не такова, какою онъ ее считалъ. Объявляя ей войну, онъ не усчиталъ возможности расцвѣта и полнаго единенія, онъ самъ убилъ антимилитаризмъ; любовь

sion d'unité parfaite, il a tué l'antimilitarisme; il a remplacé l'amour du bienêtre par l'amour du devoir. Il a transfiguré la France. Il a imprimé à nos compatriotes un élan sublime de fiéreté Nationale.

Guillaume II en spéculant sur les faiblesses des deux alliés ses ennemis les a fortifiés, les a plus étroitement unis et a doublé, triplé, quadruplé leurs forces morales. Telle est son oeuvre.

Il enfreint, il viole la neutralité de la Belgique. Il l'insulte par ses ultimatums. Ce petit royaume est pour lui une puissance négligeable, sans armée, destinée au servage. Il s'est trompé. La Belgique n'est pas ce qu'il croyait. Ce vaillant peuple a tenu en échec, durant plus d'un mois, les écrasantes hordes teutones et, tout entier, depuis son Roi jusqu'au dernier de ses sujets a formé une immortelle phalange de héros et de martyrs. Guillaume II en Belgique accomplit la plus infâme partie de son oeuvre.

Son oeuvre était un outrage à l'honneur de l'Europe. Cet outrage fit tressaillir l'Angleterre où le culte de l'honneur tient une si large place et avec nous, avec la Russie, avec la Belgique elle veut venger l'honneur menacé. Ici aussi Guillaume II s'est trompé. En Grande Bretagne comme en France, en Russie, et en Belgique il n'y eut qu'un cri: Sauvons le Droit, la Liberté, l'honneur. Guillaume II éprouve des surprises en accomplissant son oeuvre.

Férocité des généraux, des officiers, des soldats allemands; Servilité, hypocrisie des savants allemands; tels sont les résultats de l'action toxique des bacilles du bouillon de Kultur germanique soigneusement cultivés pour l'inoculation des volontés du néfaste souverain. L'influence exercée sur les fauteurs de son activité dévorante n'est pas un des moindres caractères de son oeuvre.

Comme l'a exprimé M. Delafosse, député: „La Kultur spéciale qui élabora ce programme de guerre, puis en ordonna l'exécution, est le plus monstrueux phénomène de barbarie qui ait jamais terrifié le monde.“ [1])

Pour se disculper, nos ennemis se servent de ces mots: „c'est la guerre.“ Oui c'est la guerre, mais la guerre à la manière du milita-

---

1) Jules Delafosse. Les sanctions finales. Echo de Paris, 16 janvier 1915.

къ благамъ жизни онъ замѣнилъ чувствомъ долга. Онъ переродилъ Францію. Онъ внушилъ нашимъ соотечественникамъ чудесный порывъ Національной гордости.

Играя на слабыхъ струнахъ своихъ враговъ, обоихъ союзниковъ, Вильгельмъ II укрѣпилъ, тѣснѣе сблизилъ ихъ, удвоилъ, утроилъ, учетверилъ ихъ нравственныя силы. Вотъ его дѣло.

Онъ нарушаетъ, онъ насилуетъ право Бельгіи. Своими ультиматумами онъ ее оскорбляетъ. Для него это маленькое королевство— ничтожная величина, безъ войска, обреченная на рабство. Онъ ошибся. Бельгія не такова, какою онъ ее считалъ. Этотъ доблестный народъ въ теченіи мѣсяца слишкомъ сдерживалъ сокрушительныя тевтонскія полчища, и весь единый, начиная съ Короля и кончая послѣднимъ подданнымъ, создалъ безсмертный сонмъ богатырей и мучениковъ. Въ Бельгіи Вильгельмъ II совершилъ самую безчестную часть своего дѣла.

Его дѣло было оскорбленіемъ европейской чести. Отъ этого оскорбленія дрогнула Англія, гдѣ культъ чести стоитъ такъ высоко, и вмѣстѣ съ нами, вмѣстѣ съ Россіей и Бельгіей она хочетъ отомстить за угрожаемую честь. Здѣсь Вильгельмъ II опять ошибся. Въ Великобританіи, какъ во Франціи, Россіи и Бельгіи, вездѣ послышался одинъ призывъ: спасемъ Право, Свободу, Честь. Приводя въ исполненіе свое дѣло, Вильгельмъ II наталкивается на неожиданности.

Звѣрства нѣмецкихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, подлость и лицемѣріе нѣмецкихъ ученыхъ, таковы послѣдствія ядовитаго вліянія микробовъ германской культуры, тщательно выращенныхъ для прививки повелѣній злополучнаго государя. Ихъ вліяніе на защитниковъ этой гибельной дѣятельности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ во всемъ его дѣлѣ.

Депутатъ Делафоссъ говоритъ такъ: „Особая kultur, выработавшая такой планъ войны и затѣмъ отдавшая приказъ начать ее, есть самое чудовищное проявленіе варварства, которое когда-либо видѣлъ міръ.“[1])

Чтобы оправдаться, наши враги пользуются словами: „это война.“ Да война, но война по образцу нѣмецкаго милитаризма, понимая такъ, какъ ее понимаетъ его верховный глава, а не та война, какъ ее пони-

1) Jules Delafosse. Les sanctions finales. Echo de Paris, 16 janvier 1915.

risme allemand, telle que la comprend son chef suprême et non la guerre telle que nous français, russes, anglais, belges, japonais, serbes nous la comprenons. Nous combattons pour l'honneur et avec honneur.

Le maréchal von Hindenburg va plus loin il a déclaré dans la Neue Freie Presse de Vienne: „on ne fait pas la guerre avec de la sentimentalité. Plus la guerre est faite impitoyablement plus elle est humaine, au fond, car elle prendra fin plus vite. Les méthodes de guerre qui amènent la paix avec plus de promptitude sont et demeurent les plus humaines."

M. Hanotaux a brillament réfuté cette erreur: „Eh bien les faits prouvent que sur ce point comme sur tant d'autres, les Allemands sont de médiocres psychologues. Ils ont dit une bêtise et parce qu'ils l'ont dite, ils veulent que tout le monde la croie: c'est une bêtise de plus, voilà tout. Il en est des affirmations de Hindenburg, comme de celles de Bethmann Hollweg sur le chiffon de papier.

A la façon dont ce dernier plaide sa cause, on voit qu'il la sent perdue: il a cette pancarte plaquée dans le dos jusqu'à la consommation des siècles. Un sort pareil attend la déclaration du maréchal.

Dire qu'on rend les guerres plus courtes en les faisant plus sanguinaires, c'est non seulement une chose affreuse, c'est aussi une erreur de jugement absolue. La violence poussée à ce point crée la fureur, développe l'esprit de vengeance, les haines inexpiables les résolutions farouches, la volonté de lutter jusqu'à la mort. Les faits sont là." [1])

Comme l'a écrit M. Barrès: „nos ennemis ont fabriqué une extraordinaire artillerie idéologique, si j'ose le dire, et des arguments de tous calibres."

Ne l'oublions pas, ces généraux font la guerre d'une façon criminelle et ils écrivent aussi d'une façon criminelle. Ils déshonorent à la fois et leur épée et leur plume. Voyons en eux les porte-paroles de leur chef suprême et l'émanation de l'esprit qui le dirige dans son oeuvre. Loin do moi la pensée d'atténuer la responsabilité des hordes barbares et de ceux qui les conduisent. Cette bande de bourreaux serviles ne sera jamais assez honie et méprisée. Mais c'est à l'Empereur d'Allemagne

---

[1]) Gabriel Hanotaux. Crimes de droit commun. Figaro 1-e février 1915.

маютъ Французы, Русскіе, Англичане, Бельгійцы, Японцы, Сербы. Мы воюемъ за честь и съ честью.

Фельдмаршалъ Гинденбургъ идетъ дальше и заявляетъ въ Вѣнской Neue Freie Presse: „Съ сантиментальностью нельзя воевать. Чѣмъ война безпощаднѣе, тѣмъ она въ сущности человѣчнѣе, потому что она скорѣе кончается. Способы веденія войны, какъ можно скорѣе приводящіе къ миру, были и останутся самыми человѣчными.“

Г-нъ Ханото блестяще опровергаетъ подобное заблужденіе: „Событія показываютъ, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, нѣмцы являются плохими психологами. Они сказали глупость, и потому только, что они ее сказали, хотятъ, чтобы всѣ ей повѣрили: вотъ еще одна глупость, только и всего. Сюда относятся заявленія Гинденбурга, а также и Бетманнъ-Гольвега о клочкѣ бумаги.

„По тому способу, какимъ послѣдній защищаетъ свое дѣло, ясно видно, что оно проиграно: эти слова до скончанія вѣковъ запечатлѣны на его спинѣ каторжнымъ клеймомъ. Подобная же участь ожидаетъ и заявленіе фельдмаршала.

„Говорить, что война тѣмъ скорѣе кончается, чѣмъ она кровопролитнѣе, значитъ не только сказать ужасную вещь, но также и сдѣлать громадную ошибку противъ правильнаго мышленія. Насиліе, доходящее до такой степени, создаетъ ярость, развиваетъ духъ мщенія, неизгладимую ненависть, жестокую рѣшимость, желаніе бороться не на жизнь, а на смерть. Таковы факты.“ [1])

Баррэ пишетъ: „Наши враги выработали особую мыслительную артиллерію, если можно такъ выразиться, и приводятъ различныя доказательства всевозможныхъ образцовъ.“

Не забудемъ, что эти генералы ведутъ войну преступными способами, и пишутъ тоже преступнымъ образомъ. Они опозорили въ одно и то же время и свою шпагу, и свое перо. Въ нихъ мы видимъ лишь рупоры ихъ верховнаго вождя и развитія духа, направляющаго его дѣятельность. Я далекъ отъ мысли умалять отвѣтственность дикихъ ордъ и тѣхъ, кто ими руководитъ. Мало проклинать и презирать эту шайку подлыхъ палачей. Но нужно добраться и до Германскаго Импе-

---

1) Gabriel Hanotaux. Crimes de droit commun. Figaro, 1-er février 1915.

qu'il faut remonter, car il couvre de son autocratie l'aberration de tout son peuple. Il résume les responsabilités de ses agents en assumant celle de son oeuvre.

Le grand coupable qui se présente actuellement au jugement du monde entier occupera une terrible place dans l'histoire des souverains qui ont voulu par des hécatombes se créer une omnipotence aussi forte que redoutable. Il a préparé, il a causé un ébranlement et un bouleversement général. Il a agi sur le tempérament mondial tel qu'il était en 1914 comme agit un stupéfiant. Il a spéculé sur cet amour de la paix qui animait ses voisins, il a cherché à faire croire qu'il le partageait. Durant qu'il préparait la guerre, il encourageait incidieusement les tendances délétaires chez ceux qu'il allait attaquer. De la sorte il poursuivait son oeuvre.

Son oeuvre, Guillaume II la peint aux nations neutres sous un faux jour. Chez elles il entretient une campagne de mensonges, chez elles il a des agents. Ses diplomates font des efforts surhumains et multiplient des promesses sans bornes et sans avenir.

Guillaume II a tout prévu excepté l'encerclement de son empire, encerclement complet aujourd'hui, car il est entouré d'ennemis déclarés ou d'ennemis latents. Et l'on voit combien sage et prévoyante était la politique de M. Delcassé. Encerclement politique, militaire, économique et financier. „Le fauve est bien et irrémédiablement enfermé dans sa cage. Il n'en peut plus sortir. Il ne peut plus s'y nourrir que des restes de ses rapines.“ [1])

Cette situation critique, c'est son oeuvre car elle dérive de la guerre. Or qui a déclaré la guerre à la Russie puis à la France? Qui, par la violation de la neutralité belge a contraint à la guerre la Grande Bretagne? Cette guerre mondiale qui l'a voulue, qui l'a cherchée si non Guillaume II?

Au mépris du droit, le blocus fictif des côtes anglaises est décreté par l'Allemagne. Ce n'est plus la guerre, s'est le brigandage de la grande route de la mer; c'est la piraterie; c'est une crise d'un orgueil colossal qui fait lancer par le Kaiser contre les nations neutres ce manifeste de provocation. Voilà une nouvelle phase de l'oeuvre de Guillaume II.

---

1) A. Fitz-Maurice. L'Encerclement. Figaro, 11 février 1915.

ратора, потому что своей державной властью онъ прикрываетъ заблужденія своего народа. Онъ утверждаетъ дѣла своихъ чиновниковъ, принимая на себя отвѣтственность за свое дѣло.

Великій преступникъ, стоящій теперь передъ судомъ цѣлаго міра, займетъ страшное мѣсто въ исторіи государей, цѣною кровопролитія пожелавшихъ создать себѣ всемогущую власть, столь же сильную, сколь и опасную. Онъ подготовилъ, онъ создалъ всеобщее потрясеніе и переворотъ. Онъ воздѣйствовалъ на міровой темпераментъ, такой, какимъ онъ былъ 1914 году, такъ, какъ дѣйствуетъ только безумецъ. Онъ игралъ на той любви къ миру, которая вдохновляла его сосѣдей, онъ старался заставить ихъ повѣрить, что и онъ раздѣляетъ съ ними эту любовь. Подготовляя войну, онъ дѣятельно поощрялъ тлетворныя склонности тѣхъ, на кого хотѣлъ напасть. Такимъ образомъ онъ преслѣдовалъ свои цѣли.

Нейтральнымъ народамъ Вильгельмъ II представляетъ свое дѣло въ ложномъ свѣтѣ. У нихъ онъ ведетъ цѣлую кампанію лжи, для нихъ у него есть свои агенты. Его дипломаты употребляютъ сверхчеловѣческія усилія и не скупятся на безграничныя и безконечныя обѣщанія.

Вильгельмъ II предвидѣлъ все, кромѣ блокады своей Имперіи, блокады, теперь уже полной, потому что онъ окруженъ явными врагами и врагами тайными. Теперь ясно, насколько мудрой и дальновидной была политика Делькассэ: политика политической, военной, экономической и финансовой блокады. „Дикій звѣрь крѣпко и безнадежно запертъ въ клѣткѣ. Онъ не можетъ убѣжать. Онъ можетъ питаться только остатками отъ своихъ грабежей.“ [1])

Это крайнее положеніе—его дѣло, потому что оно явилось послѣдствіемъ войны. Потому что, кто же объявилъ войну Россіи, а затѣмъ и Франціи? Кто же, нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи, втянулъ въ войну Великобританію? Кто же хотѣлъ, кто искалъ эту міровую войну, кромѣ Вильгельма II?

Вопреки праву, Германіей объявлена фиктивная блокада англійскихъ береговъ. Это уже не война, а разбой на большой дорогѣ и на морѣ; это пиратство; этотъ переломъ въ исполинской гордости, заставляющій кайзера бросить нейтральнымъ народамъ этотъ вызывающій приказъ. Вотъ новая ступень дѣятельности Вильгельма II.

---

1) A. Fitz-Maurice. L'Encerclement. Figaro, 11 février 1915.

Cette phase intéresse directement les neutres. Lorsqu'ils se croient à l'abri denière leur craintive neutralité, on annonce qu'on coulera leurs vaisseaux corps et biens. Cet ultimatum brutal succède à la cour faite aux neutres pour obtenir leurs faveurs et leurs concours.

La campagne de Guillaume II pour gagner les neutres à sa cause a produit l'effet contraire à celui qu'il espérait. „Après avoir usé d'une feinte douceur, l'Allemagne passe à la terreur qu'elle répand parmi les neutres, puis elle tente de leur inspirer de la pitié. Elle montre son peuple de 70 millions d'âmes que les commerçants anglais cherchent à faire mourir de faim. Elle invoque à son profit les méthodes de guerre humanitaires."[1])

Là ne se borne pas l'activité du Kaiser; dans une tentative suprême elle s'est appliquée à désunir les alliés. Or ses essais n'ont fait que rendre leurs rapports plus étroits, plus intimes, qu'affermir leur volonté d'écraser les barbares qui déshonorent le XX-e siècle.

Son oeuvre, avant d'être achevée, a déjà valu bien des malédictions au souverain néfaste. On l'a dit fou, malade, que sais-je encore? Alors, si il est fou, comment se fait-il que ses millions de sujets le conservent comme empereur? Aurait-il communiqué un désordre mental à tout son peuple? Les allemands sont-ils devenus fous d'orgueil et d'ambition à la ressemblance de leur monarque? Ce n'est pas impossible. Si il est malade, comment peut-il se promener constamment de l'Est à l'Ouest de l'Europe? Comment peut-il, en commandant suprême, diriger cette guerre formidable?

Puisqu'il est considéré comme fou et malade à la fois — à la folie, à la maladie il faut opposer un remède radical et ce remède sera sans doute choisi par une consultation européenne.

Dans cette consultation, on examinera avec soin le cas de la personnalité soumise aux autorités compétentes; on examinera minutieusement comment elle s'est comportée depuis le début de la crise datant de Juillet 1914, et cela, après avoir analysé lec symptômes qui l'ont précédé. On examinera sa conduite vis à vis de ses pairs, vis à vis de ses subordonnés. Suivra l'énumération des accès fiévreux du mal: l'excitation traduite par des colères, par des exigeances désordonnées, par des mou-

[1]) Jean Herbette. A l'avertissement américain répond un défi allemand. Echo de Paris, 19 février 1915.

Эта ступень затрогиваетъ именно нейтральныя государства. Прячась за свой трусливый нейтралитетъ, они считаютъ себя въ безопасности, а имъ заявляютъ, что ихъ суда пустятъ ко дну вмѣстѣ съ грузомъ и людьми. Этотъ грубый ультиматумъ смѣнилъ ухаживанія за нейтральными государствами для того, чтобы снискать ихъ расположеніе и поддержку.

Походъ Вильгельма II на нейтральныя государства окончился совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ. „Испробовавъ притворную нѣжность, Германія переходитъ къ запугиванію нейтральныхъ государствъ, потомъ она пытается взывать къ ихъ чувству жалости. Она старается показать, что англійскіе промышленники хотятъ уморить съ голоду все ихъ населеніе, 70 милліоновъ душъ. Для своей пользы она ссылается на человѣчные способы веденія войны" [1]).

Дѣятельность кайзера этимъ не ограничивается; онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку—старается поссорить союзниковъ. Но всѣ эти усилія только сближаютъ ихъ, дѣлаютъ ихъ отношенія болѣе тѣсными, упрочиваютъ ихъ стремленія раздавить варваровъ, позорящихъ XX-й вѣкъ.

Его дѣло, еще не законченное, уже навлекло немало проклятій на голову злополучнаго государя. Его называли сумасшедшимъ, больнымъ, не знаю, какъ еще? Но если онъ сумасшедшій, какъ же милліоны его подданныхъ все еще считаютъ его своимъ императоромъ? Можетъ быть, онъ заразилъ безуміемъ весь свой народъ? Можетъ быть, нѣмцы помѣшались на гордости и честолюбіи, на-подобіе своего владыки? Это не совсѣмъ невозможно. Но если онъ боленъ, какъ же онъ можетъ постоянно переѣзжать съ запада Европы на востокъ? Какъ же онъ можетъ, въ качествѣ высшаго вождя, руководить этой сложной войной?

Если его считаютъ сумасшедшимъ и въ то же время больнымъ, то нужно найти исчерпывающее средство противъ безумія и противъ болѣзни, и, конечно, это лѣкарство будетъ избрано на европейскомъ совѣтѣ.

На этомъ совѣтѣ будетъ тщательно разсмотрѣно дѣяніе того, кто подлежитъ суду свѣдущихъ лицъ; будетъ внимательно изучено, какъ онъ велъ себя съ самаго начала рѣзкаго переворота въ іюлѣ 1914 года, и это будетъ сдѣлано послѣ того, какъ будутъ разсмотрѣны всѣ предшествующіе признаки болѣзни. Будутъ разсматривать его поведе-

---

1) Jean Herbette. A l'avertissement américain répond un défi allemand. Echo de Paris, 19 février 1915.

vements sacadés par des paroles terribles, par l'amour du bruit, par le manque de sommeil, par des visions et autres manifestations anormales.

La consultation portera sur les efforts du sujet soumis à l'expérience éprouvée des celébrités vouées aux sciences morales et politiques, efforts pour dominer et moyens employés dans ce but. Le sujet qu'on examine ne serait-il pas enragé? C'est-on demandé. Est-ce un homme ou un Sur-homme? Est-ce un possédé? Et les docteurs en diplomatie de discourir sur les diagnosties. Les phénomènes de la vie du patient, depuis qu'il se plaint de tout le monde et que tout le monde se plaint de lui, sont solennellement énoncés. Les voici:

oubli de la parole donnée;
destruction des chiffons de papier;
propension au mensonge;
fréquents accès de pillage;
soif de sang; hécatombes militaires;
sacrifices de victimes humaines, vieillards, femmes et enfants après mutilations;
achèvement des blessés;
besoin intermittant et fréquent d'incendier;
goût tout particulier pour multiplier les ruines;
dégoût prononcé de l'honneur.

L'assemblée unanime s'écrie: „horreur!“ Quelle oeuvre monstrueuse!“

Les consultants sont d'accord pour déclarer le cas comme étant très grave. Aucun d'eux n'en a observé de semblable depuis qu'il exerce. Aucun d'eux n'a pu, dans les annales, découvrir de situation similaire. Cas unique déclare la faculté. Alors quel remède opposer au mal?

Une carte géographique de l'Europe s'offre aux regards des membres de cette conférence sanitaire. D'un commun accord les consultants indiquent le centre de la carte. Là est le mal, disent-ils. Puis plus bas: Là sont les parties contaminées.

Les sommités imbues de leur grave responsabilité proposent tout d'abord des saignées successives et une diète rigoureuse. Finalement les plus autorisés par leur compétence tombent d'accord sur la nécessité subséquente d'une intervention chirurgicale. Quand y procèderez vous,

ніе по отношенію къ его сановникамъ, по отношенію къ его подчиненнымъ. Послѣдуетъ перечисленіе лихорадочныхъ приступовъ болѣзни: возбужденіе, выражаемое гнѣвомъ, безпорядочными приказами, порывистыми движеніями, грозными словами, пристрастіемъ къ шуму, безсонницей, галлюцинаціями и другими ненормальными явленіями.

Совѣщаніе сошлется на усилія указаннаго лица, отданнаго подъ власть свѣтилъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, усилія, направленныя къ тому, чтобы овладѣть собой, и тѣхъ средствъ, которыя употреблялись для достиженія этой цѣли. Развѣ испытуемое лицо не придетъ въ бѣшенство? спросите вы. Человѣкъ это, или сверхъ-человѣкъ? Или онъ одержимый? И докторамъ дипломатіи есть о чемъ побесѣдовать съ врачами—діагностами. Тогда будутъ торжественно оглашены нѣкоторыя явленія въ жизни паціента, съ тѣхъ поръ, какъ онъ жалуется на весь свѣтъ, а весь свѣтъ жалуется на него. Вотъ они:

Забытое честное слово.

Уничтоженіе клочковъ бумаги.

Склонность ко лжи.

Частые приступы разбоя.

Жажда крови; военныя гекатомбы.

Принесеніе человѣческихъ жертвъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, послѣ предварительнаго калѣченія ихъ.

Добиваніе раненыхъ.

Непреодолимая и частая потребность въ пожарахъ.

Особое пристрастіе къ умноженію числа развалинъ.

Ясно выраженное отвращеніе къ чести.

Собраніе единодушно восклицаетъ: „Ужасно! Что это за чудовищное дѣло!“

Совѣщающіеся согласны объявить этотъ случай очень тяжелымъ. За все время практики ни одному изъ нихъ не доводилось наблюдать ничего подобнаго. Въ лѣтописяхъ ни одинъ изъ нихъ не встрѣчалъ подобнаго положенія дѣлъ. Власти объявляютъ этотъ случай единичнымъ. Но какое же лѣкарство прописать противъ такой болѣзни?

Передъ глазами участниковъ этого санитарнаго совѣта находится карта Европы. По общему побужденію совѣщающіеся указываютъ на самую середину этой карты. Вотъ гдѣ зло, говорятъ они. Потомъ показываютъ немного ниже: здѣсь зараженныя части.

Знаменитости, проникнутые важностью лежащей на нихъ отвѣтственности, принимая во вниманіе все вышесказанное, прежде всего предлагаютъ по временамъ кровопусканія и соблюденіе строгой діэты. Подъ конецъ самые освѣдомленные изъ нихъ соглашаются, что послѣ этого необходимо хирургическое вмѣшательство. Когда же вы къ нему

maîtres? demandent quelques neutres et ils ajoutent: notre concours alors vous sera acquis.

A ce moment, le sujet soumis malgré sa volonté à cette consultation obligatoire rassemble ses forces déjà épuisées, foudroye d'un regard injecté de sang les émissaires de la santé publique et menaçant encore il leur crie: et moi!

Alors les sages docteurs se retirèrent se donnant mutuellement un prochain rendez vous. Ils rédigèrent un bulletin ainsi libellé:

„Cas grave. Symptômes morbides. Situation inquiétante. Intervention chirurgicale nécessaire. Avant d'y procéder une déperdition de forces chez le sujet en traitement est jugée indispensable. Les praticiens se trouveront prochainement réunis pour opérer lorsqu'ils jugeront le moment venu."

„Le présent bulletin sera porté à la connaissance du public."

L'oeuvre salutaire apportera, l'unique, l'irréluctable remède pour mettre fin à l'oeuvre délétère de celui qui a voulu répandre partout le mal et la mort.

Alors Guillaume II, fléau de l'humanité, verra sombrer son oeuvre déjà sur son déclin. L'Europe Vengeresse rendra victorieux son honneur menacé. Le droit et la Liberté, meurtris par le joug barbare reprendront leur rôle immortel. Alors les alliés: Français, Russes, Anglais, Belges, Serbes et Japonais recevront des lauriers de la civilisation triomphante et reconnaissante.

Baron de Baye.

Pétrograd. Mars 1915.

приступите, господа? спрашиваютъ нѣкоторыя нейтральныя особы, и прибавляютъ: тогда и наша помощь будетъ вамъ обезпечена.

Въ эту минуту лицо, противъ своей воли подвергнутое неизбѣжной консультаціи, собирается съ послѣдними силами, и съ налитыми кровью глазами бросаетъ молніеносный взглядъ на публичное собраніе санитарнаго совѣта, и, все еще грозя, кричитъ имъ: А Я!

Тогда мудрые врачи удалились, давъ другъ другу слово собраться въ слѣдующій разъ. Они издали бюллетень, составленный такимъ образомъ:

„Случай тяжелый—признаки его смертельны. Положеніе опасное. Хирургическое вмѣшательство необходимо. Прежде чѣмъ приступить къ нему, для лѣченія считается необходимой потеря силъ у больного. Пользующіе врачи находятъ необходимымъ собраться для совмѣстной работы въ ближайшемъ будущемъ, когда найдутъ, что подходящее время наступило."

„Этотъ бюллетень будетъ доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія."

Спасительное дѣяніе дастъ единственное, неизмѣнное лѣкарство, чтобы положить конецъ смертельному дѣлу того, кто захотѣлъ повсюду разсѣять горе и смерть.

Тогда Вильгельмъ II, бичъ человѣчества, увидитъ, что его дѣло проиграно. Европа—Мстительница побѣдоносно вернетъ себѣ свою честь, которой онъ грозилъ. Право и Свобода, сдавленныя варварскимъ игомъ, опять возьмутъ на себя свою безсмертную роль. Тогда союзники: Французы, Русскіе, Англичане, Бельгійцы, Сербы и Японцы увѣнчаютъ себя лаврами торжествующей и благодарной цивилизаціи.

Баронъ де Бай.

Петроградъ, Мартъ 1915 года.

Les Archives Russes édit.
Moscou, Arbat, Dienejny, 3.

Изданіе Русскаго Архива:
Москва, Арбатъ, Денежный, 3.